

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №9 2021 ГАЗЕТА

Анатолий Салуцкий / Немой набат

САЛУЦКИЙ Анатолий Самуилович

Родился в 1938 году в Москве.

С 1974 года занимается исключительно литературной деятельностью. Член Союза писателей СССР с 1979 года. В 1986 году выпустил первую в стране книгу о перестройке «На апрельских ветрах».

Был экспертом Конституционного суда на процессе по т.н. «Делу КПСС». Публиковался в газете «Правда». Читал лекции в Гарвардском университете и Институте Кеннана (Вашингтон).

Много лет Салуцкий был секретарем Союза писателей России. Автор сотен публицистических статей и около сорока книг.

Лауреат премии завода «Атоммаш» (1980), Премии Ростовского обкома КПСС (1981, 1982), премий Союза писателей РСФСР и СССР.

ДЕЛА
ЛИТЕРАТУРНЫЕ

«Я бы пела о звёздах-жемчужинах...»

В тютчевском музее-заповеднике «Овстуг» (Брянская область) состоялся VII Молодёжный (возраст участников до 30 лет) поэтический фестиваль «Великий праздник молодости чудной». Он проводится седьмой год подряд. Сопредседателями жюри в этом году были главный редактор альманаха «День поэзии — XXI век» поэт Андрей Шацков и главный редактор журнала «Роман-газета» писатель Юрий Козлов (оба — Москва). Члены жюри — Татьяна Пискарёва (Москва), Владимир Сорочкин (Брянск), Кирилл Козлов (Санкт-Петербург), Маргарита Шувалова (Нижний Новгород), другие известные литераторы.

Зелёные «хрустальные яблоки», ставшие гордостью и символом мероприятия «созрели» для вручения лучшим: поэтам, прозаикам, чтецам, съехавшимся сюда со всех уголков России.

Организаторами существующего с 2015 года фестиваля были: директор тютчевского музея-заповедника

«Овстуг» Оксана Шейкина; Андрей Шацков; президент питерского литературного фонда «Дорога жизни», поэт Дмитрий Мизгулин (генеральный спонсор); главный редактор журнала «Юность» Валерий Дударев (1965–2019).

Начался фестиваль с представления новых музейных экспозиций:

Окончание см. на 3 стр. обложки.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор

Юрий Козлов

Редакционная

коллегия:

Дмитрий Белюкин

Алексей Варламов

Анатолий Заболоцкий

Владимир Личутин

Юрий Поляков

Ответственный

редактор

Елена Русакова

Права

на использование

товарного знака

«Роман-газета»

принадлежат

ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2021

Все права защищены

Журнал зарегистрирован

в Министерстве связи

и массовых коммуникаций РФ.

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-68350

от 30.12.2016 г.

Подписаться

на журнал «Роман-газета»

можно в отделениях связи

и через Интернет:

roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные

индексы издания:

в объединенном

каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может

не совпадать с позицией

редакции

2021 №9 /1878/ Основана в 1927 г.

Анатолий Салуцкий

Немой набат

Книга вторая

1

После катастрофического облома в богодуховской квартире, когда текущие заботы уняли и привкус горечи и радость спасения — надо же! выпутался из гиблого дела! — Подлевский серьёзно задумался о коренных причинах неудачи. Реальные обстоятельства произошедшего ему были неизвестны, их унёс с собой очень кстати замёрзший на кладбище Горбонос, а наводить справки через знакомых полицейских чинов он опасался. Зачем светиться в уголовном висяке? Сунулся было за откровениями к Суховаю, но тот пожал плечами: о стычке в квартире слышал краем уха, знает только, что один из горбонососовских «лосей» успел уйти с концами, а другой — случайный человек на подхвате. Кто защитил Богодухову, Подлевскому оставалось лишь гадать и фантазировать.

Правда, эти неясности не слишком беспокоили Аркадия. Он пытался анализировать общие причины провала. Казалось, захват квартиры был подготовлен безукоризненно, включая прикрытие со стороны Суховаю. Оно и сработало безупречно. А вот почему сорвался генеральный план? После дневной беготни падая в кресло перед телевизором, он не видел и не слышал новостей, мысли невольно крутились вокруг глубинных основ неудачи. Даже сны шли словно на заказ. Он перебирал возможные варианты, и в сознании всё чаще возникал этот неприятный Донцов. Нет, Аркадий не предполагал, что сей тип мог лично участвовать в квартирной разборке, он представлялся в качестве главного препятствия на генеральном пути Подлевского. Заядлый патриот патриотыч мешал самим фактом своего общественного существования и каким-то боком был всё же причастен к срыву тщательно подготовленного генплана.

Как ни странно, Аркадия беспокоило то, что неприязнь к Донцову даже не носила личного характера. Шофёр Иван, спешившись, дежурил несколько дней в скверике с видом на богодуховский подъезд и сообщил, что Донцов — верно описал внешность! — стал частым гостем Богодуховых, однажды они с Верой вышли вместе, куда-то уехали на «мерсе». Короче, что-то там у них вытанцовывается. Но у Аркадия изначально не было серьёзных видов на Веру, помолвочные кольца даже в уме не держал. Подлевского всё больше интересовала фигура самого Донцова, он интуитивно ощущал неясную, однако реальную опасность, исходящую от таких деятелей. В итоге принял решение заняться Донцовым всерьёз.

Выяснить, чем тот занимается, труда не составляло — Интернет ответил на все формальные вопросы. Однако это ничего не дало. Предстояло докопаться до того,

чем он живёт-дышит, какие у него уязвимости. Но режим гаданий был бессмысленным, и Аркадий использовал свой обычный метод. Поручил Ивану:

— Постарайся аккуратно похвостить за Донцовым, номер его машины знаешь. Если водитель на стоянке останется один, разговорись с ним, не тебя учить, как трепаться.

Результат этого простейшего, примитивного хода оказался сногсшибательным.

Смекалистый Иван за несколько дней выловил донцовского шофёра, ожидавшего хозяина на бесплатной министерской стоянке. Припарковался рядом и, позёвывая, подошёл к парню в «Мерседесе». Виски по дешёвой молодёжной моде круто залысены, руки густо, по локоть изукрашены замысловатой тутаировкой. Иван лениво спросил у любителя натурального рисования:

— Ты чего так намазался?

— А чего? Девкам нравится, не стандарт. Хипстота!

— Видать, тебя хозяин в строгости не держит.

— А чё хозяин? Я баранку кручу исправно, огурец свекле не помеха. Да мы, считай, и не общаемся.

— Как не общаетесь? Он же говорит, куда и когда ехать.

— Нет, не говорит.

— Ты что? — искренне удивился Иван. — Как же работать?

— Видишь, в нашем «мерсе» стеклянная перегородка. Хозяин всегда позади, а рядом со мной охранник. У них внутренняя связь, в ухе. О чём говорят, не знаю. Но все команды получаю от охранника.

— Первый раз такое вижу! — изумился Иван. — Он тебе не доверяет, что ли?

— Доверяет на сто процентов. Но у них свои шуры-муры, не только про маршрут.

В результате Подлевский совершенно неожиданно вышел на фигуру охранника, всегда сопровождавшего Донцова. И здесь уткнулся в глухую стену.

Наводить мосты с охраной, как было с шофёром, бесполезно. Эта публика с чужаками и говорить не станет, а ежели настырничать, насторожится, стукнет куда надо. Об охранниках ничего не выяснить, ни имя-фамилию, ни контору, где они служат, тут тупик. Это Аркадий понял сразу, хотя попытался использовать ещё один метод из своего арсенала — слезку. Но Иван ничего утешительного не доложил:

— Вечером подкатывают к дому Донцова у Бородинского моста. Машина — в гараж, а охранник — в метро, и был таков.

Но задача была сформулирована: выяснить личность охранника, с которым у Донцова, похоже, доверительные отношения.

Впрочем, изощрённый ум Подлевского уже пахал глубже. Он прикидывал, что через охранника, даже если его вычислить, ни капли информации не выжмешь. Задача ставится иначе, можно сказать, психологичнее: сманить, оторвать этого человека от

Донцова, что нарушит его привычный ритм жизни. Заставит делать ошибки.

Однако замысел, который подспудно выводил Подлевского на более высокий уровень размышлений о роли Донцова, Аркадий не мог осилить самостоятельно. У него не было подходов к чоповской сфере, вдобавок он понял, что его замысел вообще не реализуем в одиночку.

По инерции опять хотел позвонить всесильному Хитруку, но снова счёл это несолидным. Да и как объяснить странную просьбу? Мелькнула свежая мысль: набрал номер предводителя «Дома свиданий».

— Илья Стефанович, есть потребность пересечься минут на десять.

Похоже, сработала неожиданность звонка. Такие предложения от участников жуковских синклитов ещё не поступали. И чуткий Илья Стефанович почувал, что дело серьёзное.

Они сговорились пообедать в небольшом, но престижном грузинском ресторанчике «Эларджи», принадлежащем Зурабу Церетели, и Подлевский своей просьбой разочаровал собеседника.

— Найти охранника какого-то мелкого бизнесмена? Зашквар! Тухлая селёдка. Зачем? Личные счёты? Для хайпа? — недоумевал Илья Стефанович.

— Всё гораздо серьёзнее, — пытался объяснить Аркадий. — Этот Донцов стал своего рода символом «ненаших». Если откровенно, для меня это в некотором роде подопытный кролик. На нём можно опробовать метод противостояния. По-крупному речь вообще идёт о тех, кто стоит у нас на пути.

Илья Стефанович с сомнением покачал головой.

— Во-первых, искать такую сошку несолидно. Тут посторонние мысли лезут в голову, и никто, в том числе я, не поверит в отсутствие личного интереса. Но если и найдём его, что дальше? Перекупить, чтобы он стучал на того, кого охраняет?

— Ни в коем случае! — воскликнул Аркадий. — В моём понимании речь идёт вовсе не о поиске охранной сошки. Если бы у меня были связи с руководством крупного ЧОПа, я бы попросил пошукать, какое охранное агентство обслуживает господина Донцова. Плясать надо от Донцова, а не от охранника. Это совсем иная постановка вопроса.

Илья Стефанович жевал губами, и это означало, что он не может врубиться в тему. Повторил:

— Ну, хорошо, нашли. Что дальше?

— Что дальше?.. Илья Стефанович, а что, если действительно перекупить охранника? Не с целью использовать его в качестве источника информации. Нет! Просто сформировать условия, при которых он сам откажется обслуживать «ненашего» и перейдёт на службу к нам. Да, это разовый эксперимент. Но он может открыть перед нами новые возможности для ослабления противостоящей стороны. Прилив поднимает все лодки. И нет даже намёка на криминал. Невиннейшее дело: узнать, какое агентство обслуживает господина Донцова. Ничего скандального.

Илья Стефанович не остался в долгу:

— Тараканов по одному не давят.

Внимательно посмотрел на Подлевского. Он по-прежнему не понимал, зачем затевать такую карусель, но, зная хватку и изощрённость этого парня, рафинированного либерала, догадывался, что здесь всё просчитано. Этот — не из любителей блеснуть чешуёй, драчун. К тому же выспрашивать надо не какого-то рядового охранника, что несолидно и даже подозрительно, а нанимателя Донцова, и это действительно меняет дело.

— В таком изложении твоя просьба становится цивилизованной, хотя я всё-таки не усекаю замысла. Ответ на вопрос: здесь действительно отсутствует личный интерес?

На этот прямой вопрос Аркадий мог ответить предельно искренне, поскольку в его глазах Донцов давно превратился из ухагора Веры даже не в главного виновника квартирной неудачи, а в некую символическую фигуру, олищетворяющую «ненаших». И, глядя в глаза Ильи Стефановича, он ответил:

— Абсолютно отсутствует. Вы в этом убедитесь.

Оставшуюся часть обеда они обсуждали всякую чепуху, вроде предположительных сроков возобновления встреч в «Доме свиданий». Но на прощанье Илья Стефанович буркнул:

— Попробую...

«Попробую» заняло примерно неделю. Он позвонил Аркадию и, не здороваясь, сказал:

— Записывай. Фирма «Армстронг». Будешь говорить с директором, сошлись на Игоря Игоревича.

И повесил трубку.

«Сделал больше, чем его просили, — подумал Подлевский. — Значит, понял, что я неспроста колочусь».

Он без труда нашёл координаты «Армстронга», узнал телефон директора и набрал комбинацию цифр.

— Валерий Игнатьевич, здравствуйте. С вами говорит Аркадий Подлевский, я от Игоря Игоревича.

— А-а, — понимающе прозвучало в трубке. — По какому вопросу?

— Валерий Игнатьевич, я ваш потенциальный клиент. И у меня вопросик. Как-то довелось случайно увидеть в деле человека, который обслуживает господина Донцова. Ни того, ни другого лично не знаю, но имел возможность наблюдать со стороны. Этот охранник, уже в возрасте, произвёл на меня очень хорошее впечатление. Скажите, есть ли возможность, если я стану вашим клиентом, работать именно с ним? Готов доплачивать.

— О-о, мил человек, — заверещало в трубке, — если откровенно, вероятность нулевая. Клиент его очень ценит. Через пару недель он даже даёт ему внеплановый десятидневный отпуск, купил путёвку в санаторий «Сочи». Да вы не сокрушайтесь, у нас толковых людей много. Подберём такого, что будете довольны. Даю слово.

— Жаль, всё-таки жаль, — закручинился Подлевский. — Ну, я скоро появлюсь, тогда поговорим конкретнее.

Немедленно вызвал Ивана.

— Слушай, садись на хвост этому «мерсу», и чтобы за несколько дней сделал фото донцовского охранника. На мобильник и без вспышки, понял? Не то засечёт. Аккуратно, очень аккуратно работай.

Сперва у Аркадия мелькнула мысль самому смотреть в Сочи. Однако, поразмыслив, позвонил старому знакомому, которого держал на подхвате для массовки на аукционах.

— Хочешь деньков на десять в Сочи прошвырнуться? Горящая путёвка в полулюкс пропадает. Не возражаешь? Тогда завтра в два часа я тебя обедаю в «Эларджи». Всё объясню. Интересный вариант подворачивается, к тому же прикуп светит.

Да, на такие комбинации Подлевский был мастак. Вспомнилась женевская авантюра с Богодуховой. Теперешний случай был отчасти похож, хотя и отдалённо.

Телохранилителя Вову, к которому санаторные врачи обращались не иначе, как к Владимиру Васильевичу, разместили в номере на седьмом этаже корпуса «Приморский», с видом на море. Когда-то давным-давно — этого корпуса не было и в помине — ему доводилось бывать здесь по службе: подопечных, прилетавших в Сочи по делам на два-три дня, селили в трёхэтажном здании сталинской архитектуры с частоколом колонн и наборными мраморными полами или в дачных особняках. В первый же санаторный день телохранилитель Вова обследовал памятные места, желая убедиться, что всё осталось прежним, а потом долго гулял из конца в конец длинной плиточной набережной вдоль «Приморского».

Прогулка ему понравилась, и он совершал моционы на набережной по несколько раз в день. Впервые за много лет — отпуска брать не любил — он оказался беззаботным. А под ленивый шум морского наката хорошо думалось, вернее, вспоминалось, и он подводил промежуточный итог своей жизни.

Если по-крупному, она сложилась удачно. Выросли два сына: один офицерит, другой инженерит. Правда, семейная жизнь дала трещину: ну, какая женщина может выдержать мужа, не принадлежащего самому себе. Частые отлучки по работе, командировки, ночные вызовы, постоянная «боеготовность», когда остаётся лишь прыгнуть в ботинки и мчаться к дежурной машине. Конечно, бывали и выходные, но в свободные дни он предпочитал домосидничать, для него это был отдых. А на жену времени не хватало — ну совсем.

Пока подрастали сыновья, Галя утопала в домашних хлопотах. А годам к пятидесяти, когда всё устало, началось, начала тосковать, как она говорила, по настоящей жизни. Хорошая женщина, трогательная. Но, видимо, очень устала от бесконечной мужней

круговерти, стала жаловаться на недостаток внимания. А что он мог сделать? Работа!

Кончилась их семейная жизнь тем, что кого-то она нашла — видимо, под стать возрасту, похоже, раннего вдовца. Объявила просто:

— Володь, Хосподя! Не могу я больше так жить. Ухожу. Не поминай лихом, ребят мы с тобой достойных вырастили. В общем, пойми меня.

Он понял. Дележа имущества или жилья не затевали. Да и зачем? Ей было к кому уйти, а квартира и рухлядь всё равно детям останутся.

И зажил телохранитель Вова бобылём. Мирно, даже как-то незаметно это вышло, без обидок. Только стал работать больше.

Да-а, хорошая была женщина, Галина. Когда в начале девяностых жизнь сломалась и муж висел в неизвестности, она семейные тяготы взяла на себя. На блинах с приедками сидели. Ему оставалось лишь пахать рысью по зыбучим пескам того дурного, шотландского времени в поисках работы. В душевном упадке хотел податься на стройку разнорабочим — ничего мирного не умел. Но их бывшее боевое братство держалось кучно, слишком сильно было взаимодоверие. Да и спецы отменные, высший класс. И постепенно их начали приглашать в новые частные структуры. А куда один попал, сразу тащил к себе бывших «прикреплённых», на кого мог положиться и за кого мог поручиться.

Так и ему удалось прорваться сквозь баррикады жизни — снова стал телохранителем. И хотя задачи службы и её наполнение изменились, однако, положила руку на сердце, лишь слегка, формально. Раньше они были частью системы, а стали в каком-то смысле собственностью «хозяина», заключившего договор с охранным агентством.

Но телохранителя Вову такая перемена почти не задела — ему попадались сносные подопечные. Хотя и скоробогатый люд, но без гонора, без склонности к унижениям, без похабелы. Не пургамёты. И он быстро встроился в новую систему мерседесных людей. А уж нынешний «хозяин» — Донцов и вовсе устраивал телохранителя Вову по всем статьям. Что ни говори, а приятнее работать с честным человеком, любящим Россию.

Телохранитель Вова неспешно мерил шагами набережную, иногда присаживаясь на лавочки, в избытке расставленные по прогулочному маршруту, и наблюдал за спокойным, ещё прохладным, без купальщиков морем, за пёстрым санаторным людом, дышащим целебными воздушками. От безделья невольно обращал внимание на папиков, фланирующих под руку с силиконовыми безбюстгальтерными макияжницами, на гламурных, виляющих копчиком возрастных индюшек с гелиевыми губами, ищущих курортных приключений. Было забавно и любопытно.

По давней профессиональной привычке он предпочитал ни с кем не знакомиться, держался одино-

ко. Его нелюдимость была в глаза, её как бы подчёркивали поношенные штiblеты — удобно, а на чужое мнение плевать! Никто его не беспокоил, таких людей обычно обходят стороной.

Однажды на лавочку рядом с ним плюхнулся упитанный средних лет мужчина в ярко-синем спортивном костюме с приметными красными вставками на рукавах и штанинах, почти лысый, с короткими нафабранными усиками. Не сказав ни слова, посидел минут пять и, отдышавшись, снова отправился вышагивать свои целебные километры. Позже телохранитель Вова неоднократно замечал его на набережной.

В какой-то раз случайно получилось, что синекостюмный незнакомец шагнул метров на десять вперёд, и телохранитель Вова с некоторым удивлением рассматривал три складки на его затылке. Но вдруг увидел, что, доставая носовой платок из кармана, этот толстошей выронил на плитку какую-то голубоватую бумажку. Подошёл ближе — это же двухтысячная купюра!

Поднял, быстрым шагом нагнал незнакомца.

— Простите, я видел, что эта купюра выпала из вашего кармана.

— Из моего? Не может быть! — Он быстро проверил содержимое кармана и отчасти даже виновато сказал: — Действительно, моя потеря.

Они приветливо улыбнулись друг другу.

Синекостюмный господин ускоренным шагом пошёл дальше, а телохранитель Вова присел на ближайшую лавочку. Но через пару минут перед ним снова возник тот незнакомец.

— Извините, ради бога. Всё произошло так внезапно, что я даже не сказал вам спасибо.

— Чепуха! — отмахнулся телохранитель Вова.

— Да, конечно, для меня это невелика потеря. Но дело-то не в деньгах. Приятно встретить порядочного человека! Послушайте, у меня к вам предложение: давайте в честь произошедшего пропём часть этих денег за чашкой кофе. — И указал на небольшую, под открытым небом кафешку в торце набережной.

Ещё в первый день санаторного бытования телохранитель Вова заметил, что это маленькое кафе весьма популярно среди отдыхающих. А от лавочки до него всего-то метров пятьдесят.

Отказываться было неудобно, и он согласился.

Когда заказали кофе с пирожным, незнакомец спросил:

— Простите, как я могу к вам обращаться?

— Владимир Васильевич.

— А я Виктор Степанович. — Улыбнулся. — Не Черномырдин. Квартирую в старом корпусе «Сочи», но прогулки вдоль моря врачи считают более полезными, нежели мочионы в парке. Владимир Васильевич, коли нас свёл такой необычный случай, позвольте представиться. Занимаюсь экспортными операциями, делаю невозможное, продвигаю

за рубеж отдельные образцы российских товаров. Невоенного назначения. Знаете, тяжкое дело, очень. Мировой рынок — увы, не ринг, скорее, драка в подворотне, никаких правил. Всё схвачено и проплачено. Приходится оперировать измышлизмами. Я закончил Институт водного транспорта, хотя судьба забросила в иные сферы. Но наш неприметный вуз был вольницей, приучал выпускников к подвигам измышлизма, и кое-кто добился по этой части успехов выдающихся, поднялся на измышлизмах до кремлёвских высот. А вы чем занимаетесь?

Представ в непривычном образе Владимира Васильевича, телохранитель Вова поначалу растерялся, но быстро прикинул, что в нынешнее время темнить незачем. Ответил солидно:

— Моя профессия — защищать людей.

— Военный! — сообразил Нечерномырдин.

— Военные защищают Отечество, а я конкретных людей. Официальное название профессии труднопознаваемо, но в обиходе таких, как я, называют охранниками.

— О-о! Это редкая профессия! — с уважением зарокотал Виктор Степанович. — И, судя, извините, по вашему возрасту, у вас колоссальный опыт в этом деле. Возможно, ещё при Советах начинали.

Владимир Васильевич кивнул.

— Я тоже немолод, — продолжал Виктор Степанович. — И в своё время был частично посвящён в систему охраны высшей партноменклатуры.

— Вот-вот, — подтвердил Владимир Васильевич. — Я в этот санаторий наезжал, когда Приморского корпуса ещё не было. Но не в качестве отдыхающего, а в статусе прикрепленного. Помните такое слово?

— Ну как же! Простите, вы и по сей день в таком статусе? Это невероятно! С таким опытом! Непорядок — огород без грядок!

— Меня устраивает.

Владимир Васильевич не стал развивать профессиональную тему и перекинулся на погоду, вернее, на благоприятный прогноз. Его собеседник тоже не продолжал расспросы, и, допивая кофе, они делились мнениями относительно санатория. На прощанье Виктор Степанович сказал:

— Ещё раз спасибо, я ценю такие поступки. Знакомство наше случайное и вряд ли продолжится. Но у меня к вам просьба: черкните на салфетке номер вашего мобильного. У вас очень редкая и ценная профессия. Мало ли что!

Владимир Васильевич черкнул телефон, — ни к чему не обязывает, — и они распрощались. Нечерномырдин поехал на старом, выступающем из скалы лифте в свой корпус «Сочи», а телохранитель Вова на внутреннем лифте «Приморского» отправился на седьмой этаж.

Потом ещё пару раз их маршруты пересекались на набережной, и они приветливо раскланивались.

2

На Рождество Донцов и Вера решили махнуть в Тулу. Понятно, не в город, а в Поворотиху, родовую деревню Богодуховых, которую в семье называли Тулой и где жила отцовская родня. Впрочем, Поворотиха была и не деревней вовсе, а добротным селом — церковь! — вдобавок, в Алексинском, близком к Москве районе, и добраться до неё даже зимой, если без заносов, удавалось часа за три с небольшим.

Вера предварительно сообщила о трёхдневном гостевании дядю Андрея, старшего брата отца, — за ним издавна утвердилось семейное прозвище Дед, — и просила не суетиться с застольем, ибо разносолы и питья будут привезены из Москвы, а позаботиться о ночлеге для двоих. Дед и Антонина, его жена, были счастливы, что племянница вышла замуж, и, судя по мобильным звонкам Катерине, готовились к встрече основательно.

Поворотиха, подобно многим среднерусским селеньям, удобно разлеглась на краю глубокого длинного оврага с ручьём, перед широким полем, поджатая справа бескрайними лесными угодьями, уходившими по увалам до самой Оки, — не близко! Но в ясный день отсюда всё же можно было заметить сверкание куполов Бёховской церкви у Поленова, а уж кирпичная труба алексинской ТЭЦ торчала всегда, эту особо высоченную дуру, наверное, из Тулы видать. А ещё Поворотиха сидела на удобной региональной трассе, в летние месяцы сюда набивались дачники. Население возрастало вдвое, открывалась пивнушка «Засека», напоминавшая о легендарных тульских лесных засеках, прикрывавших Москву от конного неприятеля. Само название — Поворотиха служило у местных предметом жарких дискуссий, особенно после пары кружек пива, потому что ни дорожного, ни речного, ни какого природного поворота в этих краях не угадывалось. В давние времена ямщицкие тройки, а ныне замысловатые авто в обе стороны мчались мимо — кому в Тулу, кому в Алексин. Если что здесь и поворачивалось временами, — медленно, со скрипом, — то сама жизнь.

Вера поездом и автобусом навещала Поворотиху почти каждое лето, она любила эту спокойную привольную глубинку с целебным воздухом, веявшим из могучих приокских лесов, куда, по присказке Деда, если по грибы — не час, ягод нет, то можно двинуть по сосновы шишки для самовара. Но зимой ехала впервые и неспроста.

Дед и Антонина жили в просторной традиционной пятистенке о двух печак. Когда провели газ, одну из них разобрали. С разбегу, на радостях Дед вознамерился и вторую смахнуть, но опомнился, и в большой половине русскую печь с лежанкой сохранил. Когда изредка грел кости, Антонина охотно томила на дровяном огне еду, какая в тот день попадалась под хозяйскую руку, — всегда вкуснее, чем на газу.

Поворотиха утопала в ослепительных снегах — русская сказка со старинных рождественских открыток. «Копейку» Дед давно продал, а гаража у него отродясь не было. Зачем? Загонял машину во двор, и все дела. Но перед приходом гостей старательно, до прошлогодней травы выскреб старый автомобильный пяточок, расчистил подъезд к воротам из штакетника, а после Веркиного звонка на мобильник, что, мол, подъезжаем, гостеприимно распахнул лёгкие воротины. Донцов без проблем загнал джип на бесснежное место.

— Дома! — выдохнула Вера, переживавшая за эти последние метры пути. Уж очень снега пышные.

Понятно, Антонина уже накрыла стол в кухонной половине, и через полчаса, разгрузившись, переодевшись по-домашнему, Виктор и Вера с аппетитом уплетали деревенские самодельные угощения, среди которых преобладали огородные соленья, маринады и грибное разнообразье.

Антонина, садая, но ещё пышноволодая, усевшись напротив и без стеснения в упор разглядывая Виктора, объясняла:

— Вчера в сочельник мы постились честно, без сладкого. А на Рождество, — я, правда, кутью не варила, но, как положено, двенадцать блюд приготовила, холодец, кулебяку с разными начинками, расстегаев нет, зато курник отличный, запеканочка, а уж извар какой славный!

— Прибралась она в Чистый, чтоб время выиграть, — подпел Дед.

— В храм сходила, — продолжила Антонина, — за здоровье всех наших записочки подала. Заказала и сорокоуст. Всё путём.

— Ну ладно, хватит гутарить, — громко сказал Дед. — Перекусить с дороги — самое первое. Наши, когда прибывают, сразу за стол. Теперь-то редко нас балуют. И далече и дороговато.

— У меня два двоюродных брата и сестра, — пояснила Вера. — Все эмигрировали. — Улыбнулась и после паузы: — В Сибирь. У всех семьи, дети. Сколько у меня племянников, тётъ Тонь?

— Уже пятеро, — ответил за жену Дед и повернулся к Виктору: — Понимаешь, Власыч... Извини, Верка велела называть тебя Власычем и на «ты».

— Да я сама его иногда Власычем зову, — рассмеялась Вера.

— Так вот, — продолжал Дед, — ребят наших жёны к себе переманили, в Иркутск и Красноярск, а Наташку, наоборот, муж уговорил к нему в Томск переехать. Теперь все Богодуховы, кроме нас с Антониной, городские.

Донцов удивился:

— Андрей Викторович, а где же они... как бы ловчее сказать... ну, женихались, невестились?

— А-а-а, — расхохотался Дед. — Не поверишь, оба парня с курортов девок привезли, да и Наташка Федьку тоже у моря нашла. Конешна, все они сперва через этот дом прошли, у нас в семье понятия

строгие, без смотрин и благословения нельзя. Так говорю? — посмотрел на жену.

Антонина подошла к вопросу по-женски.

— А где нашим деревенским пару искать? Молодые! Хотели мир повидать, ездили на курорты дикарями, чтоб дешевле. А знакомились-то с ровней, тоже простым людям. Это ты у нас, Вера, столичная.

— Столичная штучка! — хохотнул Дед.

— А наши попроще. Ну и, как птицы небесные, свой своего узнаёт. Мы с Дедом поначалу переживали, наказали всем: если что не так, возвращайтесь, да скорее, чего kota за хвост тянуть. В жизни всяко бывает. А теперь сердце радуется: у всех семьи крепкие, внуков полно лукошко.

— И что же, все вместе поехали и сразу переженились? — продолжал удивляться Донцов.

— Не-ет, в разные годы ездили кто в Крым, кто на Кавказ. Просто отдохнуть, вернее, мир повидать, верно Антонина говорит. Но вышло так, что судьбу нашли... Ладно, хватит об этом. Вам, ребята, отдохнуть надо, к вечеру за настоящий стол сядем. Рождество! Я гостей пригласил, скучно не будет.

— Погоди, Дед, — подняла указательный палец Вера, привлекая внимание. — Если гости будут, нам сейчас надо один семейный вопрос обговорить.

— Ну?

— Хочу сюда в мае-июне приехать. Видимо, на всё лето. И не одна.

Дед, ничего не понимая, уставился на Виктора.

— Вдвоём хотите у нас пожить? Да милости просим! А с работой-то у тебя, Власыч, как?

Антонина громко хлопнула мужа по колену.

— Господи, ты у меня всё-таки пентюх. Мужики, они ничего не замечают. Не видишь, она почти на сносях? Когда, Вер?

— Времени ещё есть маленько. Но я уже о лете думаю. Здесь хорошо, круглый день на воздухе.

Дед наконец сообразил, радостно заулыбался, но быстро посуровел.

— Тонь, так надо же условия заранее создать. Дело ответственное.

Антонина отмахнулась.

— Твоя забота — делать, что я скажу. Троих вырастила, всё знаю.

— А Власыч будет по выходным приезжать, — полувопросительно сказала Вера.

— О-о! Тут проблем нет, — оживился Дед. — Гришка Цветков, в шабрах, по соседству живёт, за проулочком, он, кстати, сегодня будет, хороший мужик, интересный, на задах баньку поставил. Там в овраг небольшой мысок вдаётся, а Гришка умелец. Чтоб земля не поползла, сперва выложил печь на кровельном листе, в неё чан вмазал. Потом под будущие углы подложил кирпичи, а под один — и вовсе два колёсных диска, друг на друга. На них брёвна. А уж на брёвнах вокруг печи времянотку из лохматых досок соорудил, с полом, с парилкой, верандочкой. Отличная банька получилась. Летом там ноче-

вать — одно удовольствие! А ты, Верка, будешь к нему задами бегать, метров сто пятьдесят всего-то, тропинка есть вдоль оврага. У нас и калиточка там припасена.

За рождественский стол сели часов в пять, когда к Богодуховым пришли соседи — Григорий Цветков, невысокий, плотный мужик лет шестидесяти, и Галина Дмитриевна Крестовская, полнотелая, круглолицая, ни единой морщинки, разве скажешь, что ей за восемьдесят, о чём она сама известила.

Стол в горнице, накрытый роскошной льняной домотканой скатертью, блистал не только праздничной домашней стряпнёй, но и московскими разносолами. Цветков, радостно потирая руки, воскликнул:

— Давненько я не сиживал в таком продовольственном раздолье. Обжорный стол! Глазам пир! Андрей, ты с началом-то не затыгивай, слюна набегаёт. Кто виночерпий? У нас на заводе, когда бригада на домашних застольях собиралась, всегда виночерпия избирали. Голосованием! Почётная должность.

— Коли почётная, мы её вам делегируем, — откликнулся Донцов.

Цветков деловито потянулся за бутылкой.

— Сперва производим налитие заглавной рюмки. Закуска — куда вилка потянется...

Но Крестовская попридержала его:

— Праздник сегодня великий, Григорий. Надо порядок соблюдать. — И фистулой, грудным голосом начала нараспев: — С Рождеством! Со светлым днём. Рождество — сил небесных торжество. Распахните шире двери любви, надежде, вере. — Закончила тропарём: — Рождество Твоё, Христос Бог наш, просияло миру, как свет разума.

Когда выпили за Рождество, за всё хорошее, потом за знакомство, далее за удачный год поросычьего визга и даже за их благоутробие — хавронью, Крестовская, которая когда-то жила в Москве и работала в регистратуре Первой градской, сказала:

— Я, как Мария Магдалина, притчей свою мысль изложу. К Рождеству это кстати. Больница наша была огромная, коллектив большой. Выступать к нам мно-ого знаменитостей приезжали — через профсоюз. Это нормой считалось. Помню, пришёл Михалков — мы в тот раз обхохотались, очень остроумный. Басни читал. Одну его байку до сих пор помню. Говорил, как в Большом театре Сталин и его свита впервые слушали гимн СССР. Хор Александрова исполнил, всё путём, а потом в узком кругу ужин. Михалков при Сталине робел, каждый тост до дна пил. Сталин и говорит: «Товарищ Михалков, много нэ пейте, с вами будет нэинтэрэсно разговаривать».

Поняв намёк, все рассмеялись, и виночерпий сказал:

— Ясененько, друзья-застольники, слегка при-тормаживаем.

Вера спросила:

— Галина Дмитриевна, почему из Москвы уехали?

— Дочь замуж вышла, в квартире тесновато стало, да и тёща я никудышняя. Вот и купили здесь домик, уж лет двадцать. Окрестьянилась.

— А как вообще-то крестьянин теперь живёт-поживает? Настроения вдоль или поперёк? — поинтересовался Донцов.

— Да какие мы крестьяне! — воскликнул Дед. — Галина Дмитриевна, вишь, из Москвы. Гришка, хоть и здешний, но чистый пролетарий, до пенсии на «Серпе и молоте» вкалывал. Да и мы с Антониной, пусть безвылазно в Поворотихе, но скорее — просто сельские жители.

— На «Серпе»? — удивился Донцов. — В каком цеху?

— На волочильном стане.

— На волочильном? Вот это да!

В памяти Донцова всплыло, как студентами их возили на «Серп и молот», именно в волочильный цех. Стан лохматых времён произвёл на него особое впечатление, до сих пор в глазах стояла жуткая картина: из первой клетки на стальной пол вываливался раскалённый докрасна страшный удав. Извиваясь, он полз по плитам, и его голову ловили клещами рабочие в брезентовых спецовках, заправляя в следующий волок. Оттуда змея выскакивала потоньше, но вилась заметно быстрее, её снова ловили и вставляли в третий волок, обжимающий ещё сильнее. А всего на стане шесть клетей, на стальной площадке змеями извиваются раскалённые ленты, выползающие из них с разной скоростью, — вернее, это одна лента, сперва толщиной в руку, она постепенно становится толстой проволокой с палец и, остывая, уходит на барабан. А между своенравными змеями мечутся, прыгают люди с длинными клещами, хватают их за голову, подтаскивая к следующему волоку. Больше одной заготовки бригада выдержать при таком темпе не в силах и валится на скамью рядом со станом. На её место сразу встаёт другая смена. Хоккей! Смертельно опасный хоккей! Забыть такое невозможно.

— А вы что, видели наш стан?

— По базовой профессии я станкостроитель. Студентом бывал на «Серпе». Ваш стан меня потряс.

— Да-а, весёлая была работёнка, геморрой не на-сидишь, — улыбнулся Цветков. — И вот любопытно: со времён Гужона на завод шли сплошь смоляне. Я в цеху единственный туляк был. Работа тяжёлая, но всем квартиры давали, и ребята, выйдя на пенсию в пятьдесят, — все уезжанцы домой, в Москву, на асфальт дети торопились. Я к тому, что мои кореша под Смоленском, в Гагарине, кучно живут — волочильный стан навеки сплотил. Дружество! А я здесь один-одинёшенек. Квартиру московскую на сына переписал.

— Знаешь, Власыч, — встрял Дед, — история столетняя словно повторяется. Такие пролетарии, как Гришка, были самыми сознательными. Вот и он у нас лучше всех в политике сечёт.

— А как не сечь, если живём в стране победившей бюрократии. После выборов мартовских в Рос-

сии всё переменялось; доверие к власти ускользает, а самой власти плевать, что о ней люди думают. Безразличие к критике в свой адрес. Чиновники состязание по цинизму затеяли — от их заявлений народ воротит. Был у нас народный президент, а стал — просто верхушка чиновной пирамиды. Разница? Ещё какая! Вот-вот орден введёт «За успехи в борьбе с народом». Он же сказал, что для него в прошлом году главное выборы и футбол. А для нас-то иначе. Вот народ и уходит в отчуждение.

— Я на выборах ему дала «Аксиос!» — вступила Крестовская. — А сейчас нет, уж больно лукав стал. Как доктор Айболит: это очень хорошо, что пока нам плохо. Поссорился он с народом на пенсионной реформе, а назад ходу нет.

— Раз пошла такая пьянка, я в стороне не останусь, — затрубил Дед. — Мы Путину верили, как самим себе. Запутинцы! А он из лидеров в кризисные менеджеры подался, из отца нации — в отчимы. Верно Гришка сказал: его после Ельцина Че Геварой считали, семибанкиршину разогнал. А теперь сторожит новый олигархат. Пик популярности пройден. Ведь что говорил? «Если не буду чувствовать поддержку народа, ни дня не останусь в кабинете». Да-а, так и заявил, у меня записано. И что?

Крестовская поддержала:

— Народ своё слово уже сказал. Выборы в Приморье помните? Первые, которые отменили. Он главного кандидата лично благословил — «Сие есть сын мой возлюбленный». А его прокатали.

Донцов поразился такому повороту разговора. Было интересно: на что эти люди рассчитывают? Обратился к Цветкову:

— Ну и что делать, на ваш взгляд?

Тот помолчал, пошарил глазами по дощатому потолку, словно ища там ответ, опасливо почесал в затылке. Но сказал чётко, расставляя слова через короткую паузу:

— Народ в задумчивости. Ждёт момента, чтоб проявить свою волю. — Потом добавил: — Сейчас у власти установка такая: мы, то бишь власть, вам, народу, ничего не должны. Путин недавно что сказал? Всё, мол, зависит от человека, каждый должен опираться на себя. А ведь это — девяностые годы, гайдаровщина. В общем, зреет гражданская война. Но не как прежде, с расколом народа и кровью. Гражданская война низов с чиновниками. А Путин теперь на стороне чинарей. Потому с Путиным — развод. Наш брат любовь на полставки не признаёт.

— И кого же вместо него? — ехидно спросил Дед.

— Да, развод! Но продолжаем жить в одной квартире. А в переводе на политику это значит: поддерживать его, но требовать перемен, чтоб капитализм с человеческим лицом. Заменить его сейчас некем, это люди понимают, думают люди, неже в прямой протест идти.

— А я вам, Григорий, вот что скажу, по-женски. У брошенной женщины любовь перерастает в нена-

висть. К тому же быт безверный. Появились отчаявшиеся, а это опасно.

— Ну, хватили, Галина Дмитриевна!

— Ладно, про женщину брошенную пошутила. Можно и иначе на всё глянуть. Сын Ноя Хам заметил, что отец — пьяница, но упустил из виду его genialность: он ковчег построил и мир спас.

— Ну, это другой разговор.

— Но есть у меня серьёзный вопрос. Не помню, по какому случаю — ах да, на Архиерейском соборе! — Путин подарил патриарху список с надвратной иконы Никольской башни Кремля «Никола Раненый». Профанам это ни о чём не говорит, а для посвящённых икона «Никола Раненый» — один из главных символов борьбы с Советской властью. Почему такой выбор? Зачем ворошить?

— Думаю, из-за малограмотности помощников, — предположила Вера.

— Ну, дай-то Бог...

Но Цветков не мог расстаться со своей мыслью:

— Тут ещё одно есть. Помните МММ? Мавродия, который людей обманул, посадили на нары, а обманутые требовали его освободить в надежде на возврат денег. Этот «эффект Мавроди» тоже срывает. Не хочет народ в обман верить! А вообще-то, если в корень, в самую суть, в том дело, что камнем упал уровень управления и государством, и на местах. От этого много недовольств. Чиновников непричёмышами ныне кличут. Как о них подумаю, так и тянет на многоэтажные матершинные кружева. Бюрократическая олигархия народилась.

Не остановилась и Вера:

— Помощники его неверно информируют, заявления нелепые плодят. Вот пошла молва, будто Курилы вознамерились отдать.

— Тот, кто трубочку курил, он не отдавал Курил, — вставила Крестовская, огородившись крестным знаменем.

Разговор становился горячим, про закуску, выпивку позабыли, хотя Антонина дважды напоминала, что готова подать горячее. Донцов решил слегка приземлить дебаты.

— Вера правильно говорит, что его не так информируют. Может, не обманывают, но от сути уводят. Возьмите инфляцию. Вроде четыре процента...

— Врут! — отрезал Дед. — Мы что, продуктовых цен не видим?

— Не будем спорить, я о другом. Инфляция цен у нас переключалась в инфляцию качества товаров. Получают дополнительную прибыль за счёт дешёвины ингредиентов. Вместо молока — пальмовое масло.

— У-у! — загудел Дед. — Город на эрзацах, фальсификатах живёт. Продукты — сплошь химка. Даже на Украине завоз пальмова масла вроде запретили. Сыр-ноздрык, чтоб в каждой дырочке по капле коровьего масла, — невидаль. Вот мы и сидим в деревне на подножных кормах, проки — по-вашему консервы, — заготовляем.